

нансы, кадровая политика, духовные школы, зарубежные и внутрицерковные контакты, содержание проповедей, повестка дня заседаний Синода и его решения, церковная литература после прохождения цензуры Совета печаталась в государственных типографиях). Священноначалие вошло в состав номенклатуры (с резиденциями, пайками, автомашинами, дачами, санаториями, медицинским обслуживанием и орденами) (об этом см. т. 2, с. 304, примеч. 1). Но, как и прежде, государство в отношениях с Церковью представляли органы государственной безопасности. Только бывшему начальнику 5-го отдела 2-го Управления НКГБ по борьбе с церковно-сектантской контрреволюцией полковнику госбезопасности Карпову была поставлена «другая задача». Руководящие должности в Совете и большинство должностей его уполномоченных на местах в сталинский период занимали действующие и бывшие «чекисты». Впрочем, под их наблюдением в сталинский период находились все организации страны, включая коммунистическую партию. Практика контроля над Церковью со стороны МГБ, а затем КГБ сохранялась до конца существования СССР.

Приняв решение о включении Церкви в советскую политическую систему, Сталин озабочился созданием системы подготовки лояльного советской власти духовенства (8 семинарий и 2 академии с 1 200 студентами в 1958 г.) и контроля за его иерархическим продвижением. Именно Совет определял численность, нормы и критерии отбора канди-

датов, поступавших в духовные школы. С Советом патриарх «согласовывал» все кадровые перемещения и назначения в Церкви. Этому посвящена значительная часть писем и примечаний к ним, свидетельствующих о том, что этот контроль постепенно ужесточался.

Новый церковный курс не был личным «капризом» Сталина. Маленков, Молотов, Ворошилов, Булганин высказывались за его продолжение и после 1953 г. Карпов был ревностным сторонником данной политики и пытался проводить ее даже после смены политического руководства страны.

Переписка патриарха Алексия I с Карповым и Куроедовым показывает в деталях механизм превращения церковного руководства в одно из звеньев государственного аппарата. Но, как отмечает Орлова, с созданием Совета по делам религий в 1965 г. «материалы, относящиеся к деятельности Русской православной церкви, стали занимать в нем такое же положение, как и документы, касающиеся других конфессий на территории СССР. В докладных записках Совета по делам религий в ЦК и в Совет Министров вопросы, связанные с Русской православной церковью, практически отсутствуют» (т. 2, с. 26). Причины такого падения интереса властей к Церкви требуют дополнительных исследований.

Б.А. Филиппов, кандидат исторических наук (Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет)

Л.Н. Мазур. Методы исторического исследования. Екатеринбург: УрГУ, 2010. 607 с.

Современные тенденции в развитии исторического знания обнаруживаются в поисках критериев и основ осмысления проблем глобализирующегося мира, новой целостности человеческого сообщества в их единстве и многообразии. Методологические изыскания проявляются в обосновании информационной природы человеческой деятельности, системности как неотъемлемого свойства социумов и исторического процесса в целом, актуализируют новое осмысление феномена прогресса и закономерностей в истории. Обоснование критериев научности исторического знания в отечественной историографии Новейшего времени нашло наиболее яркое воплощение в выдвигании О.М. и А.Н. Медушевскими когнитивно-информационной теории современного

гуманитарного познания¹. Постановка ими вопроса об истории как строгой науке совпала с интенсивными поисками научных методик, техник и инструментов, направленных на достижение обоснованных результатов исторических исследований, которыми отмечено развитие профессионального сообщества в последнее десятилетие. Одним из воплощенных вариантов научно-методических разработок такого рода является книга Л.Н. Мазур «Методы исторического исследования».

Она представляет собой оригинальный вариант комплексной разработки проблемы методического инструментария историка. Структура книги представляется вполне обоснованной: от рассмотрения сущностных проблем исторического исследования, его

особенностей, природы, метода автор переходит к раскрытию методик и техник сбора, систематизации, а затем анализа исторических данных, показывая взаимосвязь этих методик с качественными особенностями различных видов и этапов исторических исследований. В своем творчестве автор учитывает достижения отечественных исторических школ источниковедения и методологии, в первую очередь, как нам представляется, школы академика И.Д. Ковальченко с характерным для нее особым вниманием к проблемам извлечения, обработки и анализа информации исторических источников, прежде всего массовых.

Важное место в работе Мазур занимает теория метода и разработка проблемы научных методов в истории. Автор показывает различные подходы к ее решению, оценивает достижения современной историографии в понимании сущности исторических методов, их видов и систем, классификаций совокупности научных методов, применяемых в исторических исследованиях. Не случайным стало выделение автором особой классификации методов, определяемой на основе различия информационных задач, реализуемых в своей деятельности историком, и соответствующих этим задачам исследовательских практик. Эта классификация, включающая методы сбора и регистрации информации, методы ее систематизации и упорядочения, а также методы анализа и синтеза, в значительной степени определяет структуру, логику и ценность книги. Автор считает совокупность именно данных методов *методикой* исторического исследования (с. 60).

Вкладом Мазур в решение данной проблемы является обоснование идеи базового метода, обусловленного спецификой предмета и цели исследования, определяющего подходы и инструментарий на всех его этапах, а также положения о дополнительных методах, направленных на реализацию конкретных научных задач труда. В трактовке автором «базового метода» проступает, на мой взгляд, расширительное толкование метода как методологии, общего подхода к исследованию, способа его проведения, совокупности не только правил и процедур, но и задающих их путей и принципов решения поставленной задачи. В данном случае, как мне представляется, просматривается влияние традиции, заложенной Ковальченко, который подчеркивал, что «научный метод представляет собой теоретически обоснованное нормативное познавательное средство»².

Оценивая имеющиеся в научной литературе классификации основных (традиционных) методов исторического исследования, Мазур дополняет и уточняет их состав, обосновывает

специфику, целесообразность и сферы применения (с. 387–486). К этим методам отнесены историко-системный, историко-типологический, классификационный, историко-динамический, историко-сравнительный (компаративный), историко-генетический виды анализа. В каждом случае автор уделяет главное внимание методическим аспектам их применения, разновидностям исследований, для которых они адекватны, приводит примеры корректного и некорректного их использования.

Рассматривая логику исторического исследования, определяемого как систему теоретических и эмпирических процедур, направленных на получение нового знания, автор выявляет ее общие и вариативные элементы, характер возможных реализаций. Мазур выделяет теоретические и конкретно-исторические исследования, аналитические и описательные труды, обращая внимание на целесообразность сочетания аналитического и описательного плана исследования как наиболее оптимального варианта исторического труда. Представляется, что разделение на теоретические и описательные труды все же несколько искусственно. Чисто теоретических исторических исследований не может быть в принципе, так как история – эмпирическая наука, предмет исторического исследования имеет собственную источниковую базу и выводы каждого труда должны опираться именно на эту эмпирическую основу, всегда ограничены определенными пространственными и хронологическими рамками. Другое дело – использование историками результатов других исследований, в том числе в смежных науках, дающих возможность посмотреть на свой предмет с новой точки зрения и, применив исследовательский «фокус», заданный иным теоретическим горизонтом, междисциплинарные понятия и методы, увидеть скрытые возможности источников и их интерпретации, углубить теоретическое осмысление проблемы. Более длительные тренды, тенденции и особенности исторических процессов могут быть выявлены при проведении коллективных исследований, написании коллективных монографий, историографических трудов, в рамках реализации научных проектов, дающих возможности для более широких обобщений.

Наряду с разграничением аналитических (теоретических) и описательных (эмпирических) исследований Мазур выделяет сплошные и несплошные исследования. Наиболее важным в данном разделе книги является рассмотрение и обоснование идеи о том, что каждый из видов исследования, имея самостоятельную ценность, связан с применением разных приемов и методов организации и по-

дачи материала. Если сплошное исследование направлено на изучение какого-либо массового исторического объекта или процесса и обобщенную его оценку, связано с анализом сводных характеристик объекта исследования, то несплошное построено на изучении какой-то части массового исторического объекта. Автор обосновывает разновидности несплошных исследований: монографическое, изучение элитных групп, выборочное, показывая специфику приемов отбора части массового объекта и связанные с этим особенности методологии и методики данных исследований. Важность изучения индивидуального и уникального в истории, отмечает Мазур, лежит в основе многих научных направлений – исторической антропологии, микроистории, локальной истории, биографии, и проч.

В книге в достаточной степени получила отражение сложная в методологическом отношении проблема специфики исторического познания по сравнению с естественно-научным и другими видами социогуманитарного знания. Мазур справедливо связывает ее с неполнотой исторической информации, субъективностью процесса восприятия и реконструкции исторических явлений, влиянием на исследователя различных теорий, сложностью верификации исторического знания, особенностями исторического описания, прежде всего преобладанием описательных форм представления исторического знания. Наиболее конкретно этот методологический сюжет разработан в пособии применительно к проблеме специфики исторического понятийного и терминологического аппарата, в более широком плане – языка исторических исследований. Автор дает классификацию научных категорий, понятий и способов их определения, показывает специфику системы категорий и понятий, применяемых в исторической науке. Определенным упущением, на мой взгляд, является отказ от анализа таких центральных для исторической науки категорий, как исторический факт, историческое пространство и историческое время, не нашедших места в приведенной классификации. Тем временем именно в понимании исторического факта находит отражение проблема специфики исторического познания. Определение исторического факта как сведений, почерпнутых из достоверных источников и подвергшихся истолкованию, результата осмысления действительного события со многих сторон на основе разнообразных источников³, на мой взгляд, позволяет в методологическом плане связать проблему поиска, систематизации и интерпретации источников. Мазур справедливо обращает внимание на одну из центральных в источниковедении и методологии истории

проблему соотношения смыслов конкретно-исторических терминов, формируемых в процессе работы с источниками, или понятий первого уровня, и собственно научных понятий и категорий (с. 69–83). По сути это проблема «исторического перевода» в его широком понимании – перевода языка изучаемой эпохи на язык научного исследования. При этом историк должен как реконструировать те смыслы, которые вносили в понимание явлений сами люди изучаемой эпохи, так и дать современную научную интерпретацию толкований, терминов и понятий исторических источников. Мазур справедливо подчеркивает, что большинство исторических понятий носит описательный (описательный) характер, тесно связано с конкретным историческим контекстом и не может применяться вне его. Полисемантичность, недостаточная строгость и однозначность исторических терминов и понятий связана, как показывает автор, с многоликостью самой исторической действительности, различной интерпретацией исторических источников, использованием для этого разных теоретических конструкций.

Думается, автору следовало бы также обратить внимание при рассмотрении данного вопроса на ценностную природу исторических понятий, их тесную связь с социальными и культурными ценностями и нормами. Как отметил М.А. Юсмин, «используя их, мы вовлекаем комплекс разнообразных значений, в том числе и ценностных, которые выглядят самодостаточными, не требующими пояснения. Но в действительности их надо ставить под сомнение (деконструировать)»⁴. Ценностный аспект исторических понятий и категорий отчетливо отражается в использовании в исследовательской практике историографических метафор⁵, чему, на мой взгляд, следовало бы также уделить внимание. Мазур предлагает методы работы с историческими понятиями, призванные минимизировать их относительность, неопределенность, или неадекватность: терминологический анализ, методы систематизации и анализа теоретических понятий. В то же время методы исследования понятий исторических источников можно было бы проиллюстрировать на примере такого современного методологического направления, как «история понятий»⁶, которое рассматривает роль и смысл понятий как неотъемлемой части процесса коммуникации в прошлом и предлагает методы реконструкции и интерпретации данных смыслов и стоящих за ними политических и социокультурных практик.

В отдельной главе, посвященной методам анализа исторических источников, подразделяемым автором на 2 большие группы: тради-

ционные и формализованные, большое внимание уделено последним. В пособии показаны суть и разновидности приемов формализации сведений исторических источников, их пределы и ограничения. Подробно рассмотрены разновидности формализованных методов: метод унифицированной анкеты, метод контент-анализа. Отдельный раздел посвящен специальным методам анализа исторических текстов: информативно-целевому, семиотическому, дискурсивному анализу, психоанализу документов. По сути, в этом разделе речь идет об использовании для анализа текстов исторических документов методов смежных дисциплин: лингвистики, семиотики, антропологии, психологии и др. Отдельная глава посвящена использованию социологического инструментария в исторических исследованиях: методам устной истории, методики проведения социологических исследований, анкетирования и интервьюирования участников и свидетелей исторических событий. Показаны богатейшие возможности расширения с их помощью информационной базы исследования, а также правила, процедуры их реализации и ограничения. Автор не только излагает теорию, но и оценивает практику применения социологических методов, в частности на примере реализации международного историко-социологического проекта «Сельская Россия в XX в.».

В книге Л.Н. Мазур обосновывается роль математизации научного познания в повышении объективности исторического исследования, тщательно разрабатываются и творчески адаптируются применительно к различным его типам математико-статистические, социологические и другие междисциплинарные методы, порожденные ими конкретные методики и процедуры. Значительное место отводится

использованию компьютерных технологий (баз данных, геоинформационных, мультимедийных и др.), что отвечает требованиям современной информационной среды в науке и вузовском образовании.

Материал книги нацелен на овладение студентами информационной культурой и компетенцией специалиста, способного применить знания в практической профессиональной деятельности.

О.С. Поршнева,
доктор исторических наук
(Уральский федеральный университет)

Примечания

¹ Медушевская О.М. Теория и методология когнитивной истории. М., 2008; Медушевский А.Н. Когнитивно-информационная теория в современном гуманитарном познании // Российская история. 2009. № 4. С. 3–22.

² Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. М., 2003. С. 40.

³ Такое истолкование исторического факта дано, в частности, В.Ф. Коломийцевым (Коломийцев В.Ф. Методология истории. М., 2001. С. 38–42).

⁴ Юсим М.А. Нормативная лексика историка // Теории и методы исторической науки: шаг в XXI век. М., 2008. С. 65.

⁵ О роли метафор как эпистемологических категорий см.: Вжосек В. Историография как игра метафор: судьбы «новой исторической науки» // Одиссей. Человек в истории. М., 1991; он же. Метафора как эпистемологическая категория (соображения по поводу дефиниции) // Одиссей. Человек в истории. М., 1994.

⁶ Козеллек Р. Социальная история и история понятий // Исторические понятия и политические идеи в России XVI–XX вв. СПб., 2006; История понятий, история дискурса, история метафор. М., 2010.

Диалог с прошедшим столетием О воспоминаниях академика Ю.А. Полякова*

К мемуарам, написанным современниками, не принято относиться с особым вниманием и, естественно, с почтением. Иной раз они дают поводы для злословия: гордыня заела. Иное дело – воспоминания признанного корифея, мастера пера с «неожиданной», как выясняется, судьбой, написанные за год до своего 90-летия. Историческая память историка-долго-

жителя достойна специального изучения: «субъективный» и «объективный» подходы напряженно и причудливо сталкиваются между собой; непосредственный опыт вопреки профессиональным навыкам взрывает многие устоявшиеся представления; автор невольно проговаривается, перечит самому себе, провозируя вторжение в его дискурс сторонних догадок. Все это естественно: прикрываясь щитом самоиронии и «забалтывая» читателя, историк-мемуарист пытается ответить на главный вопрос: почему я прожил именно *такую*

* Поляков Ю.А. Минувшее. Фрагменты: (Воспоминания историка) / Институт российской истории РАН. Кн. 1. М.: Собрание, 2010. 231 с., ил.